Эммануил Виторган:

Новая жена очень похожа на Аллочку

В спектакле Театра Маяковского «Глава вторая» актер Эммануил Виторган играет писателя, который страдает из-за потери жены, но возвращается к жизни благодаря новой любви. Пьеса написана как будто про него, четвертый год живущего без Аллы Балтер. Такое впечатление, что у Эммануила Гедионовича, недавно отметившего 64-летие, открылось второе дыхание: год назад он в третий раз женился — на красавице Ирине, которая младше актера на двадцать лет. Переехал в новую квартиру. Играет в пяти спектаклях, одновременно снимается в двух фильмах, пишет книгу... Актер говорит, что и сейчас жить и работать ему помогает его любимая Аллочка.

«Четвертый год как нет Аллочки, но для меня все как будто вчера»

фото Натальи Логиновой

Ира научилась готовить специально для меня

— Видела вас на московской премьере фильма Тарантино. Отметила, что вы были единственным актером старшего поколения в этой тусовке.

— Не могу говорить за все поколение. Да и Тарантино уже не мальчик. Но то, что он создал свое в мировом кинематографе — бесспорно.

— Не Ирина ли вас привела на это мероприятие?

— Нет, хотя она тоже интересуется такими фильмами. Но и мне все любопытно пока. Вы могли видеть меня не только на премьере Тарантино. Мы с Ирой стараемся успевать как можно больше, жена — человек энергичный и меня будоражит.

— Что чувствует мужчина, когда его вторая половина значительно моложе?

— Это заставляет поддерживать форму. Иной темпоритм жизни возникает: когда рядом Ира, полежать с книжкой не удается. Она вообще очень юркая: если дома просит передать ей что-нибудь, то пока я дотянусь до этой вещи, она уже три раза возьмет то, что просила.

— Разницу вкусов ощущаете?

— Совсем нет. Увлечения моей юности — битлы, джаз — близки и ей. Ира имеет музыкальное образование, скрипачка по профессии: ее больше интересует классика, мы бываем в консерватории, в Зале Чайковского, тем более что мой племянник Марк Горенштейн — художественный руководитель и главный дирижер Государственного симфонического оркестра России.

— Сейчас у Ирины собственное театральное агентство. Как сочетаются в одном человеке творческие способности и деловая хватка?

— Так получилось, что она давно не работает по профессии — Ира же из Латвии, юрмалчанка. Переехала в Москву 14 лет назад. Да, мы оба — лимита! В Москве Ира прошла через многое: продавала авиационные билеты, работала администратором в гостинице, секретарем в крупной фирме. Она очень целеустремленный человек, и если за что-то берется, должна все знать досконально. У нее есть потрясающее качество — быстро знакомиться и располагать к себе людей. Она очень искренний человек — окружающие это чувствуют.

«Когда рядом Ира, полежать с книжкой не удается»

фото Светланы Соколовой (ИТАР-ТАСС)

— Искренность — не лучшее качество для бизнеследи...

— Тем не менее ее агентству уже 12 лет. У Иры нет повода обижать людей: либо она убедит подчиненного, либо с ним расстанется.

— И дома те же установки?

— Нет. Дома все иначе: Ира женственная, хозяйственная. Она все успевает, это потрясающе.

— И даже готовить?

— И готовит! Причем очень вкусно. Раньше она никогда в жизни этого не делала.

— То есть стоит у плиты специально, чтобы вас порадовать?

— Да. У жены много талантов. Она очень похожа на Аллочку, но не внешне, а по характеру: они обе добры к людям и всегда готовы прийти на помощь любому, даже незнакомому человеку. Когда мы идем по улице и видим какую-то несправедливость, Ириша тут же вмешивается. Недавно милиция остановила какого-то иностранца, не понравились стражам порядка его документы. А поскольку Ирина в этом деле разбирается — ее агентство занимается и визами, то она немедленно вмешалась. Я пытался ее удержать: «Ириш, ну подожди, разберутся они!» Нет, не послушала меня.

Сын сдержанно отнесся к моей свадьбе

— Вы часто говорите о том, что Алла Давыдовна была женщиной особенной. Ирина вас не ревнует к ней?

— Аллочка действительно была уникальной, я никогда не стеснялся об этом говорить и при ее жизни. Некоторые видели в этом показуху, считали, что в наших отношениях все не так прекрасно... Ирочка не ревнует совсем. Мы часто бываем на Ваганьковском, где похоронена Аллочка, а иногда Ирочка приходит туда одна и даже мне не всегда об этом говорит. О чем они разговаривают, я не знаю. Мы отмечаем дни рождения Аллочки, дату ухода из жизни, собираем родных и друзей.

— Ирина и Алла Давыдовна ведь были знакомы?

— Я и Алла познакомились с Ирой во времена «Виторган-клуба», мы много общались там: общение — единственное спасение в жизни. В этом клубе собирались человек 60 самых разных профессий. Ира пришла одна, ее очень заинтересовала идея клуба — сейчас мы ее продолжаем.

— Вы часом не увели Ирину из семьи?

— Нет. Ирина выходила замуж, но к моменту нашей встречи была абсолютно свободна.

— Вас невозможно найти по старому телефону...

— Мы переехали. В той квартире, где жили с Аллой, мне очень трудно находиться, там все о ней напоминает. Четвертый год как нет Аллочки, но для меня все как будто вчера. До сих пор, когда вижу женщину с волосами, подобными Аллочкиным, обхожу ее и заглядываю в лицо.

— Почему на памятнике Балтер нет даты рождения?

— Так хотела Аллочка — когда она болела, после третьей операции, попросила: «Если вдруг уйду, пожалуйста, никогда ни на чем не ставь дату рождения. Хочу, чтобы люди помнили меня молодой, а если они увидят год рождения, сразу поймут, что я не так уж и молода». До последнего в Аллочке сохранилось это потрясающее женское кокетство.

— С сыном сейчас работаете? Вы ведь делали совместный спектакль «Шаман с Бродвея».

— Там возникли проблемы с авторскими правами, поэтому спектакль не выходит. Максим сейчас играет во МХАТе, у Олега Павловича Табакова, перешел туда из Ленкома.

— Как сын относится к тому, что вы женились?

— Сдержанно. И я этим огорчен, потому что считаю: если мне хорошо, то и мои друзья и родные должны быть довольны. Нормально, когда близкие люди радуются друг за друга... Максим поздравил нас по телефону, но не пришел на свадьбу. Хотя сейчас отношения с моей женой у него теплые.

— А была свадьба?

— Да, была, Ира долго искала по магазинам свадебное платье. Пришли все приглашенные, а кто не захотел, сообщили об этом заранее. Но это их личное дело. Одно скажу: ту боль, которую я пережил из-за ухода Аллочки, не пожелаю никому. Поэтому будем жить: вот сейчас идет спектакль «Глава вторая» — это один к одному моя жизнь за последние четыре года.

— Спектакль был сделан специально под вас?

— Мне долго не решались предложить эту пьесу Нила Саймона, но я ее прочел и понял, почему вокруг меня долго ходил кругами режиссер. Я ни секунды не колебался и сразу сказал «да». Потому что любая память об Аллочке для меня важна. Она в этом спектакле незримо присутствует: ее портрет стоит на столе моего героя, правда, он не виден зрителям. Но когда мы первый раз играли, мой партнер в одной особо эмоциональной сцене разволновался и задел портрет, нечаянно развернув его к зрителям. И в зале зашептали: «Балтер, Балтер, Балтер...» Аллочка мне помогает играть этот спектакль.

В спектакле «А чой-то ты во фраке?»

Долго не знал, что я еврей

— Если не ошибаюсь, раньше вы не курили. Что произошло?

— Нет, вы не ошибаетесь. Когда-то давно я очень серьезно заболел, едва не ушел из жизни, это было связано с онкологией. Но недуг, который часто приводит к смерти, удалось победить. Я — гордость Каширки (на Каширке находится НИИ онкологии. — *Н.К.*). Так вот, во время той болезни организм без моего участия сам отказался дымить. И 16 лет я не прикасался к сигарете — даже когда ушла Аллочка. А потом ни с того ни с сего затянулся — и уже два года курю как бешеный. Я понимаю, что надо относиться к себе бережнее. Это раньше считалось, что забота о собственном здоровье — эгоцентризм, да и жизнь смолоду была тяжелая, я дитя войны. А теперь понял: надо в первую очередь любить себя — тогда и окружающим не будешь обузой. Я почти никогда не отказываюсь от творческих встреч. На них я могу сказать то, что хочу — ведь в спектаклях и кино произношу чужие тексты, проживаю чужие жизни. И всегда говорю своим поклонникам: надо заниматься собой, но сам, к сожалению, этому совету не следую. На работе со мной чего только не происходило — ногу ломал на съемках фильма «Битва за Москву», масса знакомых физиотерапевтов говорили: «Разминай ногу, потом хуже будет», но хоть бы раз я к ним зашел. И дотянул до того, что начал хромать. Точно так же после операции в Каширке надо было тренировать легкие, Аллочка накупила мне шаров, чтобы я их надувал, но в конце концов они все оказались у наших внуков.

— А говорят, сцена лечит.

— Безусловно. Я сам был свидетелем того, как человек с переломом ноги выходил на сцену и не ощущал боли. Даже если играешь в пятисотый раз один и тот же спектакль, чувствуешь себя прекрасно.

— Да и болеть вам некогда — вы заняты в четырех спектаклях Театра Маяковского, один играете в театре «Школа современной пьесы», снимаетесь у Эшпая в «Детях Арбата», приступили к работе в сериале «Бедная Настя»... К «мылу» как относитесь?

— Я мало видел сериалов. Даже «Идиота» толком не смотрел — то спектакль, то репетиция. Могу сказать одно: мне ужасно надоели все эти картины со стрельбой и кровью. В свое время в кино я переиграл огромное количество отрицательных персонажей, никогда от них не отказывался, потому что сценаристы тщательно выписывали этих людей, их было интересно играть. Во-вторых, прожив такую жизнь на сцене и экране, я знаю, что надо помогать друг другу, а не делать гадости.

— В «Детях Арбата» вы хороший или плохой?

— Я там кагэбешник.

— Представляю, как убедительны вы в этом образе.

На «Кинотавре»

фото Сергея Иванова

— И в советском кино существовал такой штамп — все фашисты и белогвардейцы были всегда стройные и красивые, а наши — маленького роста, лопоухие и курносые.

— С другой стороны, Путин совсем не похож на бывшего кагэбешника, скорее уж на положительного персонажа.

— Ну почему? Глаз у него бывает интересный.

— Тема репрессий, затронутая в «Детях Арбата», не касалась вас или вашей семьи?

— Нет, слава Богу, но папу, по-моему, раза три исключали из партии. Из-за «пятого пункта». Он был мукомол по профессии, всю жизнь с семьей мотался по Союзу, восстанавливал мукомольные заводы... Кстати, я очень долго не знал, что еврей.

— Как узнали?

— Это случилось, когда в стране началось «дело врачей». Я пришел на урок и увидел, что весь класс стоит. И мой ближайший школьный товарищ, которого моя мама кормила обедом, сказал мне: «Вы, евреи, отравили Жданова!»

— И что же, мир рухнул?

— Нет, но меня возмутило, что осудили не какой-то мой поступок, а то, что я еврей. И поэтому я начал драться.

— Кто победил?

— Учитель. Он вошел и прекратил все это.. Такое случалось дважды в моей жизни. Был такой фильм — «Миссия в Кабуле». Часть его собирались снимать в Индии и Афганистане. Я был счастлив, что мне досталась роль заместителя нашего посла, которого играл Олег Жаков. Мой герой — латыш по национальности, поэтому меня перекрасили в блондина, пережгли все волосы пергидролем так, что они посыпались с головы. Но я был на все готов, с нетерпением ждал съемок — к тому времени ни разу не выезжал за границу. Индия представлялась мне сказочной страной. Буквально дня за два мне позвонил директор фильма и сказал: «Ты не летишь». Я спросил, почему, и получил ответ: «Не приставай ко мне, если хочешь, выясняй сам». Я искренне не понимал, на каком основании мне отказали — потому что еще в школе и институте был председателем совета дружины, членом комитета комсомола, капитаном баскетбольной команды... Так вот, я пошел это выяснять и увидел женщину с «халой» на голове. «Наверное, недоразумение произошло», — *объясняю я*. «Нет, все правильно», — говорит она. «Почему?» «Да потому, что ты еврей», — ответила чиновница. Знаете, как в цирке клоуны нажимают на клизму и у них льется вода из глаз — так и у меня полились слезы, я тут же выскочил из кабинета. Долго потом ходил по улицам блондином, пока волосы не отросли. Всю Индию и Афганистан с моим участием в конце концов сняли в Ленинграде и Душанбе. Утешило, что не выпустили не только меня, а даже режиссера-постановщика.

> **Раньше работал по ночам на кухне. А теперь захожу в свой кабинет и спокойно пишу.**

По Ленинграду совсем не скучаю

— Вы не скучаете по Ленинграду, где прошла ваша молодость?

— Нет. Я ведь жил в очень многих городах. Конечно, я испытываю к городу на Неве благодарность — там получил профессию. Но работал и на периферии, и на полупериферии, да простят меня ленинградцы.

— Вам нравилось начинать с нуля?

— Что же я, мазохист? Так складывались жизненные обстоятельства. Я родился в Баку, но прожил там всего три года, потом семья переехала в Ставрополь, оттуда — в Астрахань. После института работал в труппе Псковского театра, хотя меня оставляли в Ленинграде. Этому было простое объяснение: в 1961-м в главных театрах молодые люди не играли Ромео и Джульетту, эти роли доставались народным артистам, которым было уже под шестьдесят. Я же очень хотел работать, а ребята, которые оставались после окончания института в Питере, не выходили на сцену. Так что я всюду побывал: выступал в сельских домах культуры, вместе с труппой застревал на жутких колдобинах, выталкивал декорации из грязи. Потом вернулся в Ленинград, а оттуда переехал в Москву. Когда мы с Аллочкой решили уехать из Ленинграда, где занимали определенное положение, имели массу поклонников, Юрский, Тенякова, Басилашвили, много других людей, с которыми дружили, нас отговаривали: «Куда вы едете? Опять ведь надо с нуля начинать». Но мы так решили.

— Какой же город вы считаете родным?

— Астрахань. Там похоронены мои папа с мамой, живут мой старший брат, ближайший друг, благодаря которому я почувствовал профессию — потому что его родители были актерами, там я закончил школу. Так что этот город — моя родина. Раз в год я там бываю. Хотя и Ставрополь, и Баку считают меня своим земляком.

За новую квартиру до сих пор не рассчитались

— Вы себе уже заработали на безбедную жизнь?

— *Нет. Если я остановлюсь* и брошу работать, то буду бедным. Вот я вам рассказывал про переезд — мы купили собственную квартиру, в которой осуществилась мечта моей жизни: она в двух шагах от театра, из окна спальни видно окно моей гримерной, есть кабинет, раньше я не мог себе его позволить. Но мы еще не рассчитались за нее. Чтобы купить новое жилье, продали квартиру Иры. Так что пока я не могу оставить профессию, лежать и читать книги. А столько еще не прочитано: современную литературу катастрофически мало знаю.

— А зачем вам кабинет?

— Я пишу книгу об Аллочке, о людях, с которыми сводила жизнь. Долго сопротивлялся: мне казалось, она не представляет интереса для общественности. Но потом решил, что это надо сделать для внуков: чтобы они открыли мою книгу и увидели там фотографии Андрея Гончарова, Георгия Товстоногова, Камы Гинкаса, Романа Виктюка, с которыми я работал. Раньше я на кухне по ночам все это писал. А сейчас захожу в свой кабинет, закрываю дверь и спокойно работаю.

— Почему же раньше мечта о квартире с кабинетом не осуществилась?

— Мы с Аллой не успели. Конечно, друзья с удовольствием заняли бы нам деньги, даже без процентов — люди хорошо относились к нам. Но процесс отдачи долгов затянулся бы... А Ира более активна в этом плане, к тому же она все-таки занимается бизнесом. Мы с Аллой все время, с утра до вечера, торчали в театре.

— Вы не думали с Ириной о совместных детях?

— (*Смеется.*) Нет, у меня четверо внуков (двое от сына Максима, двое — от дочери, рожденной в первом браке. — *Н.К.*), Ирочка с ними замечательно ладит, она обожает детей, но своих у нее нет. Надо подумать над вашим вопросом. Есть масса примеров позднего отцовства: Белявский, Табаков, Козаков. А вы хотите, чтобы мы родили?.. Значит, родим.

■ **Надежда Келлер.**